

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2025. Том 29, № 3
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 81'42:821.161.1.09"18"

ББК 81'42:821.161.1.09"18"

<https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-3-98-106>

РОЛЬ РЕЧЕВОГО ЖАНРА КОМПЛИМЕНТА В КОМЕДИЯХ А. Н. ОСТРОВСКОГО

Ольга Евгеньевна Белова

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия

Аннотация. С помощью теории первичных речевых жанров М. М. Бахтина, развитой А. Д. Степановым, изучается творчество А. Н. Островского. Предмет исследования – использование жанра комплимента в комедиях разных периодов творчества драматурга («Свои люди – сочтемся!», «Неожиданный случай», «На всякого мудреца довольно простоты», «Таланты и поклонники»). Отмечается, что применение комплимента может указывать на неискренность собеседника. В пьесах Островского также отражено негативное отношение к комплименту. Оно выражается в том, что выбор персонажами Островского данного жанра неразрывно связан или с их корыстными мотивами и неискренностью (Подхалюзин, Глумов, Беркутов), или с иными, тоже дурными намерениями (Дулебов и Великатов), или с легкомыслием (Розовый) и беспомощностью (Нароков). Серьезные и честные персонажи Островского к комплименту не прибегают (Мелузов). Таким образом, использование или неиспользование персонажем жанра комплимента может служить маркером его нравственных качеств. Сделан вывод, что применение теории речевых жанров при изучении творчества А. Н. Островского в дальнейшем может принести новый взгляд на созданных им персонажей.

Ключевые слова: *речевой жанр, Островский, комплимент, комедия, неискренность*

Для цитирования: *Белова О. Е.* Роль речевого жанра комплимента в комедиях А. Н. Островского // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2025. Т. 29, № 3. С. 98–106. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-3-98-106>

Original article

THE ROLE OF THE COMPLIMENT SPEECH GENRE IN THE COMEDIES OF A. N. OSTROVSKY

Olga E. Belova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation

Abstract. In this article, the author applies the theory of primary speech genres by M. M. Bakhtin, developed by A. D. Stepanov, exploring the work of A. N. Ostrovsky. The focus is on Ostrovsky's use of the compliment genre. The comedies of different periods of the playwright's work are studied ("Let's count our own people!", "An unexpected case", "Simplicity is enough for any wise man", "Talents and fans"). Referring to the works of linguists, the author notes that the use of a compliment may indicate the insincerity of the interlocutor. Ostrovsky's plays, according to the author, also reflect a negative attitude towards a compliment. It is expressed in the fact that the use of Ostrovsky's characters of this genre is inextricably linked either with their selfish mo-

tives and, indeed, insincerity (Podkhalyuzin, Glumov, Berkutov), or with others, also bad intentions (Dulebov and Velikatov), or with frivolity (Rozoviy) and helplessness (Narokov). Ostrovsky's serious and honest characters do not resort to compliments (Meluzov). Thus, the use or non-use of a compliment by a character can serve as a marker of his moral qualities. Having studied the use of the compliment speech genre in Ostrovsky's work, the author suggests that the application of the theory of speech genres in the study of the playwright's work in the future may bring a new look at the characters he created.

Key words: *speech genre, Ostrovsky, compliment, comedy, insincerity*

For citation: Belova, O. E. (2025). The role of the compliment speech genre in the comedies of A. N. Ostrovsky. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, vol. 29, no. 3, pp. 98-106. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-3-98-106>

Введение

Речевая характеристика персонажей в пьесах А. Н. Островского давно изучалась филологами. Однако ранее исследователи сосредотачивались в первую очередь на лексико-стилистической составляющей речи. А использованию персонажами Островского первичных речевых жанров пока уделяется недостаточно внимания.

М. М. Бахтин определял речевые жанры как относительно устойчивые типы высказывания, вырабатываемые той или иной сферой использования языка [Бахтин, 1979]. Речевые жанры подразделялись им на первичные (простые) и вторичные (сложные). Под первичными он понимал те, которые складываются в непосредственном речевом общении, вторичные – «в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного)». В контексте художественного произведения первичные речевые жанры «утрачивают непосредственное отношение к реальной действительности и к реальным чужим высказываниям» [Бахтин, 1979, с. 239], работают по законам данного контекста.

В течение длительного периода первичные речевые жанры исследовались по большей части лингвистами. Ими были описаны многие конкретные формы речевых жанров, заложены основы для классификации. Благодаря монографии [Степанов, 2005] идеи и выводы М. М. Бахтина относительно первичных речевых жанров (с учетом достижений лингвистов и корректив автора монографии) были возвращены в литературоведение.

Исследование и его результаты

Широкого распространения концепция первичных речевых жанров в литературоведении пока не получила, но тем не менее отдельные исследователи уже используют ее для изучения творчества писателей. Например, П. В. Николаева применяет данную концепцию при анализе действенности слова в творчестве Н. В. Гоголя [Николаева, 2008]. Учитывая общее теоретико-методологическое значение, ее вполне можно применить и при изучении творчества А. Н. Островского. Это актуально по той причине, что в подобном ракурсе произведения драматурга рассматривались относительно мало. Так, Н. В. Капустин проводил изыскания на тему первичных речевых жанров в «Женитьбе Бальзамина» (в том числе возможностей изучения первичных речевых жанров на примере этой пьесы), а также речевых стратегий, которые используют персонажи Островского, в том числе в письмах [Капустин, 2006, 2007, 2013].

Исследования такого рода можно вести в различных направлениях: например, выявить диапазон первичных речевых жанров в пьесах Островского или наиболее репрезентативные речевые жанры, характеризующие индивидуальность драматурга. Но возможны и более узкие аспекты. Так, в частно-

сти, имеет смысл рассмотреть и роль определенного речевого жанра – комплимента, нередко встречающегося в комедиях Островского.

Как отмечают ученые, комплимент использовался с древности, но изучать как явление его стали лишь в Новое время. Именно тогда появились теории происхождения и функционирования комплимента (А. Куртэн, Э. де Рефюж, Б. Кастильоне, Дж. делла Каза и др.). Но речь шла скорее о систематизации комплиментов для практического использования, об «искусстве комплимента», чем о глубоком теоретическом осмыслении [Торговкина, 2006, с. 4].

Теоретическое изучение комплимента в зарубежной науке началось в XX в. (С.-Н. Boudhors, Ф. Bruno, J. Burckhardt, Ph. Chasles, J. Manes, A. Pomerants, В. Valade). Но даже в настоящее время комплимент рассматривается скорее как элемент, входящий в состав других понятий в таких областях, как этика, лингвистика, история, социология, психология.

В отечественной науке комплимент в качестве категории речевого этикета изучается филологией, риторикой, этикой, психологией. Например, с точки зрения лингвистики исследуется содержательная сторона комплимента, а также разнообразие в нем различных оценочных характеристик – как лексико-грамматических, так и семантико-стилистических [Леонтьев, 1999; Формановская, 1989]. Кроме того, анализируются структурные, семантические и прагматические особенности комплимента [Торговкина, 2006, с. 5].

Теория речевых жанров относит комплимент к оценочным жанрам, для которых характерна «общая семантика оценки, которая проявляется, прежде всего, в используемых лексических средствах» [Лагута, 2007, с. 140]. Т. А. Воронцова определяет комплимент как высказывание, где «похвала является основной и единственной речевой тактикой, призванной реализовать стратегическую коммуникативную цель, которая заключается в выражении позитивного отношения к собеседнику» [Воронцова, 2015, с. 119]. Но важно помнить, что «в сознании носителя русской коммуникативной культуры всегда существует определенное опасение, что комплиментарное высказывание может быть воспринято собеседником как неискреннее (например, как лесть)» [Воронцова, 2015, с. 121].

Далее станет очевидно, что в пьесах Островского (в центре нашего внимания оказываются комедии, но также мы рассмотрим и некоторые примеры употребления комплиментов в произведениях иных жанров) ярко выражено именно такое представление о комплименте (с ним соотносится представление о неискренности), причем в данном случае можно предполагать устойчивость авторской позиции, связанную с аксиологическими предпочтениями комедиографа. Прежде всего, это отражено в ситуациях, где фигурирует комплимент, и в речевом поведении персонажа, использующего его в каждом конкретном случае.

Так, например, в комедии «Свои люди – сочтемся!» направленные Большову комплименты произносит Подхалюзин, правда, касаются они дочери Большова – Липочки. Их правдоподобие уже может быть подвергнуто сомнению: о внешности Липочки читателю ничего не известно, но вряд ли она действительно «красота неопи́санная» [Островский, 1949, т. 1, с. 63], а то, что ее не назовешь «барышней образованной» [Островский, 1949, т. 1, с. 62] и «барышней, каких в свете нет-с» [Островский, 1949, т. 1, с. 64], ясно даже самому Большову. Более того, явное преувеличение заставляет его заподозрить Подхалюзина в любовных чувствах к Липочке (возможно, Подхалюзин как раз и рассчитывал на подобный эффект). Для сцены сватовства комплимент вроде бы уместен, и мотивы Подхалюзина даже нельзя назвать дурными: Липочка

ему в самом деле нравится. Однако сама фамилия Подхалузина уже вызывает у читателя негативные ассоциации, поэтому и его комплименты способны насторожить – и как оказывается в дальнейшем, недаром.

Один из персонажей пьесы «Утро молодого человека», Лисавский, пользуется упреками и комплиментами крайне умело. Он поставил себе замысловатую цель: получить фрак от своего друга Недопекина, но, видимо, так, чтобы его самого не упрекнули в попрошайничестве.

К прямой просьбе Лисавский так и не прибегает. Он начинает разговор с многочисленных комплиментов Недопекину (называет красавцем, Аполлоном и т. п.), чем явно располагает к себе глупого и необразованного купеческого сына, стремящегося стать «своим» в дворянском кругу. Далее Лисавский продолжает играть на этом желании Недопекина, упрекая, что тот *«надевает чорт знает что»* [Островский, 1949, т. 1, с. 102]. Тут же называется и конкретный предмет одежды, вызывающий нарекания: *«Зеленые фракы просто гадость»* [Островский, 1949, т. 1, с. 102] (из диалога Лисавского с лакеем читатели уже знают, что получить от Недопекина он хотел бы именно зеленый фрак). Когда Недопекин пытается опровергнуть упреки, солгав, что зеленых фраков у него нет, Лисавский снова прибегает к комплиментам и сразу после дает совет, подчеркивающий его положение «знающего и умного»: *«Не дурчась: зеленых фраков не носи»* [Островский, 1949, т. 1, с. 102]. Хотя Недопекин обещает совету последовать, Лисавский демонстрирует, что не доверяет ему, и предлагает другое решение: изъявляет готовность взять зеленый фрак Недопекина, на что тот, подготовленный морально всей предыдущей сценой, соглашается. С помощью умелого чередования речевых жанров упрека и комплимента Лисавский добивается своей цели, при этом не опускаясь до прямой просьбы. Таким образом, и в этой пьесе показано, что комплимент используется неблагоприятным образом, в данном случае – становится частью речевой манипуляции ради выгоды.

В пьесе «Неожиданный случай» комплимент играет несколько иную, но не менее важную роль. Все переживания центрального персонажа по фамилии Розовый начинаются с того, что он говорит неосторожный комплимент знакомой даме (*«И какое блаженство быть любимым такой женщиной, как вы, Софья Антоновна! Да я не смею и мечтать о таком счастье...»*) [Островский, 1949, т. 1, с. 110]. Он жалеет о своих словах, после которых у Софьи Антоновны могло создаться впечатление, будто он влюблен в нее, и опасается, что она заставит его жениться. Комплимент в данном случае, пусть и сказанный бескорыстно, демонстрирует легкомыслие и безответственность адресанта. Розовый «действует в рамках хорошо заученного амплуа ловеласа и оказывается заложником хорошо усвоенных им речевых и поведенческих штампов» [Высоцкая, 2012, с. 287].

В более поздних пьесах Островский также использует комплимент в ситуациях, негативно характеризующих персонажей. Так, к нему активно, прямо или косвенно, прибегает Глузов («На всякого мудреца довольно простоты»). Встретившись впервые со своим дядей Мамаевым и скрывая, что они родственники, Глузов сам рассказывает ему о дяде, с которым не общается, при этом характеризуя его как *«человека замечательного ума»* [Островский, 1950, т. 5, с. 113]. Также он произносит много комплиментов и тетке: *«Вы очень молодая женщина»* [Островский, 1950, т. 5, с. 125], *«Вы, ангел доброты, вы, красавица»* [Островский, 1950, т. 5, с. 134]. При этом в разговоре с Крутицким он поддакивает крайне неллицеприятному отклику последнего о Мамаевых. Становится очевидно, что его комплименты родственникам были грубой ложью.

Направленность комплиментов очевидна: с их помощью Глумов лишь втирался в доверие к людям, воспринимая их как средство для выстраивания карьеры.

В пьесе «Лес» комплимент используют такие разные персонажи, как недоучившийся гимназист Буланов, помещик Милонов и провинциальный актер Несчастливцев. Тем не менее комплименты каждого из них соответствуют в определенной степени указанной тенденции.

Буланов прибегает к комплименту по отношению к Аксюше, которая считается его невестой и за которой он, видимо, не прочь поволочиться. Он называет ее «*красавицей*» и заявляет, что она «*в самом деле ему нравится*» [Островский, 1950, т. 6, с. 9]. Но тут важно обратить внимание на авторскую ремарку, в соответствии с которой Буланов произносит это «*равнодушно*» [Островский, 1950, т. 6, с. 9]. Разумеется, ни о каких чувствах к Аксюше с его стороны речи не идет, что подтверждается дальнейшими событиями пьесы. Он пытался «любезничать» с ней, как Розовый – с Софьей Антоновной.

Милонов часто говорит комплименты Гурмыжской, превознося ее высокую нравственность: «*Раиса Павловна строгостью своей жизни украшает всю нашу губернию; наша нравственная атмосфера, если можно так сказать, благоухает ее добродетелью*» [Островский, 1950, т. 6, с. 13]. Для читателя с самого начала очевидно, что Гурмыжская не заслуживает подобных слов, однако до поры их можно объяснить тем, что Милонов незнаком с истинным положением дел в ее доме и потому добросовестно заблуждается, обманутый ее притворно-скромным поведением. Но когда после известия, что Гурмыжская в ее возрасте собирается замуж за юного Буланова, Милонов заявляет «*Вы героиня!*» [Островский, 1950, т. 6, с. 87] и превозносит ее «*непоколебимую добродетель, житейскую мудрость*» [Островский, 1950, т. 6, с. 89], становится понятно, что сам Милонов в представлениях о добродетели чересчур гибок.

Комплименты Несчастливцева Гурмыжской («*Добрая женщина, ты возьмешь их в руки и будешь молиться. О, помяни меня в твоих святых молитвах!*» [Островский, 1950, т. 6, с. 46]; «*Женщин, перед которой все, все, даже я... я благоговее!*» [Островский, 1950, т. 6, с. 52]; «*Она кроткая, как ангел, и он...*» [Островский, 1950, т. 6, с. 53]; «*Кротость, олицетворенная кротость!*» [Островский, 1950, т. 6, с. 53]) и Аксюше («*Ты, такая юная, такая прекрасная*» [Островский, 1950, т. 6, с. 67]; «*Эти перлы, эти бриллианты слез*» [Островский, 1950, т. 6, с. 70]) явно искренни, даже несмотря на явное цитирование «Гамлета». Но в них, во-первых, отражена привычка Несчастливцева сценически преувеличивать как свои качества, так и качества окружающих; во-вторых, в обоих случаях комплименты связаны с некоей его «слепотой» по отношению к обеим героиням. Несчастливцев искренне заблуждается, считая тетку чистой и кроткой женщиной, и так же искренне не понимает, что его сестра вовсе не стремится стать актрисой и не сможет найти счастье на этом поприще.

К комплиментам прибегает и Мизгирь в «Снегурочке». Вот что он говорит главной героине:

*Не знаешь ты цены своей красе.
По свету я гулял торговым гостем,
На пестрые базары мусульман
Заглядывал; со всех сторон красавиц
Везут туда армяне и морские
Разбойники, но красоты подобной
На свете мне встречать не приходилось.*

[Островский, 1950, т. 6, с. 54]

Стоит помнить, что незадолго до того Мизгирь отмечал красоту и своей невесты Купавы, которую только что оставил ради Снегурочки, при этом оскорбив. Но в данном случае важен сам образ, к которому прибегает Мизгирь: он сравнивает Снегурочку с рабынями, которых продают на рынке, тем самым невольно выдавая, что не видит в ней свободную в поступках личность.

В комедии «Волки и овцы» Купавина жалуется на давнего поклонника, Беркутова, что он *«в каждом письме <...> посылал поклоны и разные комплименты»* [Островский, 1950, т. 7, с. 209]. Один, из последнего письма, она приводит дословно, и, даже по ее мнению (а Купавина охарактеризована как недалекая женщина), комплимент этот отдает пошлостью: *«Мне обидно, что меня повезет паровоз, придуманный англичанами для перевозки тяжелых грузов; мне нужны крылья, резвые крылья амура»* [Островский, 1950, т. 7, с. 210]. Когда же Беркутов появляется лично, то показывает себя как человека умного, но циничного и корыстного. Ни о каких «крыльях любви» к Купавиной, конечно, с его стороны не может идти и речи: он только прикидывался влюбленным, чтобы выгодно жениться, и комплименты были частью образа.

Много комплиментов говорят друг другу персонажи «Бесприданницы». Так, про Огудалову еще до ее появления Вожеватов замечает, что *«у нее все хитрость да лесть»* [Островский, 1950, т. 8, с. 164], сразу соотнося в глазах читателя те комплименты, которые она будет произносить, именно с этими качествами. И действительно, мы видим, что Огудалова не стесняется подчеркивать превосходство ума Кнурова (*«Одно остается: вас слушать»* [Островский, 1950, т. 8, с. 180]), восхищаться смелостью Паратова (*«Экий сокол», «Молодец мужчина»* [Островский, 1950, т. 8, с. 190]), хотя эти слова даже не соответствуют ситуации – Паратов только что объявил ей, что намерен жениться по расчету). В обоих случаях она ожидает от собеседников некоторой материальной помощи, связанной с симпатией к ее дочери (в разговоре с Кнуровым фактически соглашается помочь в том, чтобы Лариса стала его содержанкой), и в конце диалогов выманивает деньги.

Кнуров в диалоге с Огудаловой говорит заочные комплименты ее дочери Ларисе (*«Эфир», «Она создана для блеску»* [Островский, 1950, т. 8, с. 180]), используя их в качестве аргументов, почему ее дочь заслуживает богатой жизни, и подводя к решению поспособствовать его связи с Ларисой. Паратов осыпает Ларису комплиментами (*«Очаровательница!», «Сокровище», «Повелительница моя»* [Островский, 1950, т. 8, с. 211–212]), уговаривая ее бросить жениха, фактически соблазняя. Во всех перечисленных случаях комплимент используется с явно дурными намерениями.

Сложнее выглядит ситуация с комплиментом Карандышева Ларисе на роковом обеде: *«Да-с, талантов у нее действительно много. Но не за них я хочу похвалить ее. Главное и не оцененное достоинство Ларисы Дмитриевны это то, господа... <...> То, господа, что она умеет ценить и выбирать людей. Да-с, Лариса Дмитриевна знает, что не все золото, что блестит. Она умеет отличать золото от мишуры. Много блестящих молодых людей окружало ее; но она мишурным блеском не прельстилась»* [Островский, 1950, т. 8, с. 213].

Дурных намерений по отношению к невесте у Карандышева как будто нет. Пусть фактически он хвалит в конечном счете не Ларису, а себя, называя себя «достойным», но его желание «повеличаться» перед людьми, которые ранее его унижали, объяснимо и простительно. Но, во-первых, его не красит то, что он вовлекает невесту в осуществление мести его обидчикам, притом без ее желания и согласия. Во-вторых, комплимент Карандышева не соответствует действительности, так как Лариса на момент его произнесения уже ре-

шила сбежать с Паратовым, отличающимся тем самым внешним, мишурным блеском. Таким образом, комплимент Карандышева оказывается вдвойне ложным: умышленно (он обращен на самом деле не к адресату, а к самому себе) и неумышленно (Карандышев еще не знает, что Лариса задумала бросить его).

Множество комплиментов делается юной актрисе Негиной в комедии «Таланты и поклонники». От князя Дулебова она слышит похвалу игре («*Прекрасно вы играли, прекрасно. Сколько чувств, благородства!*») и самый банальный из комплиментов – «*красавица*» [Островский, 1950, т. 9, с. 18], от Нарокова – что она «*белый голубь в черной стае грачей*» [Островский, 1950, т. 9, с. 33], трагик называет ее «*Офелией*», Великатов в письме – «*обожаемой*» и «*очаровательной*» [Островский, 1950, т. 9, с. 60]. Явный избыток комплиментов от мужчин связан с положением Негиной и соответствующим отношением к ней в обществе: невзирая на ее личную чистоту и серьезность, по отношению к ней слова не столь значимы, не имеют такого веса, как к «порядочной» женщине (например, к той же Софье Антоновне в «Неожиданном случае»). Дулебов и Великатов и вовсе собираются «погубить» Негину по тогдашним понятиям (потому что с актрисой так «можно»). Нароков и трагик, говоря комплименты, дурных намерений не имеют и вполне искренни. Но при этом они и не могут, и даже не пытаются защитить Негину от нравственного падения. Их хорошее отношение к ней только словами и ограничивается.

Единственный из окружающих Негину мужчин, кто не говорит ей комплиментов, – ее жених Мелузов. Похвала ее игре выглядит скорее заслуженной высокой оценкой («*в игре твоей я нашел так много теплоты и искренности*») [Островский, 1950, т. 9, с. 59], как и добрые слова о самой Негиной. Мелузов не прибегает к красотам, в отличие от Нарокова или трагика, не доходит и до пошлостей, как Великатов или Дулебов. Тем самым А. Н. Островский подчеркивает серьезность и честность Мелузова, а также его уважение к невесте, не допускающее необдуманных или неискренних слов.

Заключение

Таким образом, в творчестве А. Н. Островского применение персонажем речевого жанра комплимента должно заставить читателя насторожиться: комплимент выступает показателем негативных качеств – от легкомыслия до дурных намерений различного толка по отношению к адресату. В противоположность ему неиспользование данного жанра позитивно говорит о персонаже. Сделанный вывод подтверждается и другими комедиями автора. Так находят выражение этические предпочтения А. Н. Островского, его аксиология.

Вместе с тем гиперболически поданный комплимент или его использование в ситуации, не соответствующей реальности, в ряде случаев создает противоречие между правдой и ложью – то противоречие, которое оказывается источником комизма.

Проведенные нами наблюдения сделаны на относительно узком материале, посвящены только комплименту. Однако внимание к этому речевому жанру тем не менее говорит о продуктивности изучения первичных речевых жанров в драматургии А. Н. Островского. Привлечение более широкого круга жанров (императивные, дидактические, экспрессивные) и пьес, на наш взгляд, способно вполне наглядно подтвердить это предположение.

Список источников

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества : сб. избр. тр. М.: Искусство, 1979. 423 с.

Воронцова Т. А. Речевой жанр комплимента в современной российской коммуникации // Вестн. Удмуртского ун-та. Серия : Филол. науки. 2015. № 2. С. 115–122.

Высоцкая Ю. В. Неожиданный случай // А. Н. Островский : энциклопедия / гл. ред. и сост. И. А. Овчинина. Кострома: Костромиздат; Шуя: Изд-во ШГПУ, 2012. С. 287.

Капустин Н. В. О первичных речевых жанрах в драматургии А. Н. Островского («Женитьба Бальзамина») // А. Н. Островский. Материалы и исследования : сб. науч. тр. Шуя: Весть: ШГПУ, 2006.

Капустин Н. В. О письмах персонажей Островского: стратегии речевого воздействия // Щельковские чтения – 2006. В мире А. Н. Островского : сб. ст. Кострома: Авантитул, 2007.

Капустин Н. В. Об изучении первичных речевых жанров в школе (на материале комедии А. Н. Островского «Женитьба Бальзамина») // Жанрово-стилевой подход в преподавании русского языка и культуры речи : сб. ст. и метод. рекомендаций по материалам Всерос. науч.-практ. конф. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2013. С. 241–251.

Лагута Н. В. Жанровое наполнение диалектной речи Приамурья // Слово : фольклорно-диалектологический альманах / под ред. Н. Г. Архиповой, Е. А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2007. Вып. 5. С. 138–144.

Леонтьев В. В. «Похвала», «Лесть» и «Комплимент» в структуре английской языковой личности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 26 с.

Николаева П. В. Проблема действенности слова в художественном мире Н. В. Гоголя : дис. ... канд. филол. наук. Иваново: ИвГУ, 2008. 228 с.

Островский А. Н. Полн. собр. соч. : в 16 т. М.: ГИХЛ, 1949–1951. Т. 1. 416 с.; Т. 5. 352 с.; Т. 6. 374 с.; Т. 7. 337 с.; Т. 8. 389 с.; Т. 9. 421 с.

Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.

Торговкина Т. А. Феномен комплимента в истории французской речевой культуры XVI–XVIII веков : автореф. дис. ... культурологии. Саранск, 2006. 18 с.

Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения. М.: Высшая школа, 1989. 192 с.

References

Bakhtin, M. M. (1979). *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow, Art, 423 p. (In Russian).

Formanovskaya, N. I. (1989). *Speech etiquette and communication culture*. Moscow, Higher School, 192 p. (In Russian).

Kapustin, N. V. (2007). On the letters of Ostrovsky's characters: strategies of speech influence. *Shchykovsky readings*, 2006. *In the world of N. Ostrovsky*. collection of art. Kostroma, Avantitle. (In Russian).

Kapustin, N. V. (2006). On primary speech genres in A. N. Ostrovsky's dramaturgy ("The Marriage of Balzaminov"). *A. N. Ostrovsky. Materials and research*: collection of scientific articles. Shuya, News: SHSPU. (In Russian).

Kapustin, N. V. (2013). On the study of primary speech genres in school (based on the material of A. N. Ostrovsky's comedy "The Marriage of Balzaminov"). *Genre-style approach in teaching Russian language and speech culture*: collection of articles and methodical recommendations based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Ivanovo, Ivanovo State University, pp. 241-251. (In Russian).

Laguta, N. V. (2007). Genre content of dialect speech of the Amur region. *Word. Folklore dialectological almanac*. N. G. Arkhipova, E. A. Oglezneva (eds.). Blagoveshchensk, Amur State University, iss. 5, pp. 138-144. (In Russian).

Leontiev, V. V. (1999). "Praise", "Flattery" and "Compliment" in the structure of the English linguistic personality. Abstract of the PhD thesis. Volgograd, 26 p. (In Russian).

Nikolaeva, P. V. (2008). *The problem of the effectiveness of the word in the artistic world of N. V. Gogol*. PhD thesis. Ivanovo, Ivanovo State University, 228 p. (In Russian).

Ostrovsky, A. N. (1949-1953). *Complete works*. in 16 vols. Moscow, State Publishing House of Fiction, vol. 1, 416 p.; vol. 5, 352 p.; vol. 6, 374 p.; vol. 7, 337 p.; vol. 8, 389 p.; vol. 9, 421 p. (In Russian).

Stepanov, A. D. (2005). *Chekhov's communication problems*. Moscow, Languages of Slavic Culture, 400 p. (In Russian).

Torgovkina, T. A. (2006). *The phenomenon of compliment in the history of French speech culture of the 16th-18th centuries*. Abstract of PhD thesis. Saransk, 18 p. (In Russian).

Vorontsova, T. A. (2015). The speech genre of compliment in modern Russian communication. *Herald. Udmurt University. Series: Philological Sciences*, no. 2, pp. 115-122. (In Russian).

Vysotskaya, Yu. V. (2012). An unexpected case. *A. N. Ostrovsky. Encyclopedia*. I. A. Ovchinina (ed.). Kostroma, Kostroma Publishing House; Shuya, SHSPU Publishing House, p. 287. (In Russian).

Сведения об авторе

Белова Ольга Евгеньевна — аспирант, <https://orcid.org/0009-0000-3808-499X>, zhut1989@mail.ru

Information about the Author

Olga E. Belova — postgraduate student, <https://orcid.org/0009-0000-3808-499X>, zhut1989@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.04.2025; одобрена после рецензирования 20.06.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 09.04.2025; approved after reviewing 20.06.2025; accepted for publication 20.06.2025.